

ЛИРОН
ХАМИДУЛЛИН

ЗАРНИЦЫ

на горизонте

Лирон Хамидуллин

Зарницы на горизонте (сборник)

«Татарское книжное издательство»

2017

УДК 821.161.1-3/4
ББК 84(2 Рос=Рус)-4

Хамидуллин Л. Х.

Зарницы на горизонте (сборник) / Л. Х. Хамидуллин —
«Татарское книжное издательство», 2017

ISBN 978-5-298-03480-7

В книгу вошли рассказы, повести, очерки и несколько эссе автора, опубликованные им в разные годы в основном на родном языке. Документальные повести посвящены жизни и деятельности классиков татарской литературы: Дэрдменда, Мирхайдара Файзи, Амирхана Еники, известных музыкантов и композиторов: Файзулы Туишева, Латифа Хамиди и других. Адресована широкому кругу читателей.

УДК 821.161.1-3/4
ББК 84(2 Рос=Рус)-4

ISBN 978-5-298-03480-7

© Хамидуллин Л. Х., 2017
© Татарское книжное
издательство, 2017

Содержание

Рассказы, документальные повести	6
Незабываемым просёлком	6
1	6
2	7
3	7
4	10
5	12
В метельную ночь	13
1	13
2	14
3	17
4	18
5	19
6	20
7	20
Зарницы на горизонте	22
Шаги в будущее	22
«Мурзы в лаптях»	24
Мать поэта – Ханифа Дашкова[6]	28
Дорога в Юлук	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Лирон Хамидуллин

Зарницы на горизонте

© Татарское книжное издательство, 2017

© Хамидуллин Л. Х., 2017

* * *

Рассказы, документальные повести

Незабываемым просёлком

1

Игрневая кобылица шажком выводит нас из Иртыкова дола. Как и предания наших предков, дорога еле заметна: она заросла мягким буйным столетником и желтоголовником. Следы тележных колёс и конского хода то и дело теряются из виду. Лишь на подъёмах – по глубокой колее замечаешь: когда-то здесь проходила настоящая дорога. Теперь, видать, по ней очень редко ездят. Чутьку вдаль, посередине пашни прямой лентой проложен большак. По нему, вздымая пыль, с рёвом иногда проносятся редкие машины.

Шагиахмет-абзый, который возит почту из соседнего села, летом часто заворачивает на эту, всё время петляющую рядом с речкой Иртыком, старую дорогу. Особенно в пору сенокосную...

– Раньше полями дорожили. Это сейчас дороги прокладывают прямым через пашни. Не своя же пашня, колхозная... – незло сказал он, оборачиваясь в сторону попутчика.

Я его не помнил. Мы давно уехали из родного села отца. С Шагиахмет-абзый я познакомился только на почтовой станции.

А почталён, издали увидев небольшой островок зелёной травки, то и дело останавливал свою бричку. Соскочив с него, брал в руки старую косу свою и начинал слаженно махать им справа налево. Местами и травки-то немного: на три-четыре размаха косой. Но он их обязательно подбирал, не оставлял.

– Ах, сена-то сколько!.. – то и дело проговаривал он. – Нынешняя молодёжь не помнит, как раньше подстилку да старую солому с крыши скармливали скоту... Тракторами же косят сейчас. Им важнее количество пройденных гектаров, чем количество сена. А у речки же самые сочные травы...

На небе ни облачка. Высоко сияет солнце, своими лучами обнимая всё вокруг. Острые пики этих лучей будто до дна пронизывают омутные озёрки речной долины, ослепительными бликами играют на поверхности этих озёрков. Будто смущённо или играючи с солнцем в прятки прячут там свои белые личики водяные лилии. Да, всё кругом в глубоком блаженстве. Над землёй стоит неумолчный звон беззаботных кузнечиков и ещё каких-то других еле заметных тварей. То и дело у самой головы лошади парами проносятся быстрые стрижи. На их чирикание кобылица слегка пошевеливает кончиками ушей.

С близлежащей горки вижу: вдаль, среди невысоких холмов, сверкнуло родное село Байтиряково со своими побелёнными саманными домиками. Да, издали село казалось намного опрятнее и милее. Точнее, в яркий солнечный день дома казались отсюда только что побелёнными. А может быть, и на самом деле село стало намного опрятнее и ухоженнее, чем было когда-то.

Да, всё хорошо, прекрасно должно быть на родной земле. Годы военных невзгод давно уж остались позади. Только вот последние слова Шагиахмет-абзый напомнили мне о тех далёких днях – суровых днях детства.

2

Наши старики, когда-то выбирая место для села Байтиряково, не прогадали. Эти холмистые места были привольными для скота и имели хорошие пашни. Кругом село сторожат небольшие горы: с запада Актау – целая гряда из ослепительно белого мела и белой глины на подножии. С юга его охраняют склоны крутолобого Зайсана с узкой каймой смешанного из дуба, берёзы и осины леса. Как повествуют легенды стариков, в давние времена на склонах этой горы изредка находили крупницы золота. Такое случалось обычно после кратковременных, но обильных дождей. Потому и назвали гору Зайсаном – «Горой сокровищ». Но в предвоенные годы геологи там никаких сокровищ не обнаружили. А вот меловые залежи Актау рекомендовали использовать. Вскоре в райцентре был открыт промкомбинат по изготовлению товарной продукции из мела. От холодных ветров севера село заслоняют сразу две возвышенности: Комтау – песчаная гряда холмов, и Очлытау, на острой пике которого с давних времён красовался географический знак – треножник. Очлытау был ориентиром, маяком аула Байтиряково.

Только вдоль Иртякова дола – в сторону востока тянулись на километры просторные, далеко обозримые поля: благодатные пашни сельчан. В лощинах и склонах гор тоже росли душистые травы – раздолье для домашнего скота, первые пастбища, открывавшиеся сразу же после схода снега. А лесочек на склонах горы Зайсан – Каршурман, был излюбленным местом детей и взрослых села с ранней весны до поздней осени: с момента появления там первых листочков щавеля до дней сбора высохших сучьев деревьев к зиме. Эти сухие сучья деревьев использовались сельчанами только для поджога набитых в очаги кизяков, скирды кирпичиков которых заготавливались в середине лета, между временем сенокоса и уборки урожая. В лесочке в обилии росло множество съедобных трав и ягод: душистые гусиные лапки, крупнолиственные борщевики с толстыми сочными стеблями со сладкой мякотью, кустики душицы и зверобоя, сочно-красная земляника, чёрная ежевика, красноватая костянка и кустистая дикая вишня. В самом дальнем уголке Каршурмана немножечко росла и малина. Но её было так мало, что доставалась только тем, кто раньше и быстрее добирался до этих неудобных колючих кустов в «Сюбекеевском лесочке». Там же на широкой поляне, как часовые с длинными винтовками, стояли высокие, стройные стволы звонкоголосого курая. Да, эта полоска леса летом подкармливала сельчан, а зимой частично и согревала их. Поэтому эти лесочки охраняли всем селом, не давая рубить растущие там деревья...

Байтиряковцы, хоть и сели когда-то на этой полустепной зоне, на самом южном кончике Уральских гор, за это были вознаграждены обилием сенокосов, выгонов и пашен. Весной и ранним летом скот обеспечивали кормами окрестные горки и холмы да малые перелески в лощинах этих горок. С ранней весны, как только южные склоны Комтау открывались от снега, мы, мальчишки, вели туда своих любимых козочек и ягнят пастись.

Выходит, кормов байтиряковцам вроде бы всегда хватало. Но тогда почему же бывали случаи, когда скоту скармливали «и солому с крыши домов»? Такое случалось в годы различных войн, когда корм заготавливать было некому. Мужчины воевали вдалеке от дома, защищая интересы родины, а женщины вынуждены были пахать и сеять вместо них и ухаживать за семьями...

3

Так случилось и в том году. Уже шёл третий год войны. Все запасы у сельчан иссякли. К весне стало совсем невмоготу. И тогда бригадир решил нам выделить возок ржаной соломы.

– Поезжайте и подберите одонья на дальнем клину, за бывшим хазратовым садом, – сказал он матери. – Зимой мы солому от того скирда не полностью вывезли. Снег-то сейчас осел, солома, наврное, выступила. – И завтра же он обещал выделить подводу.

Небольшой клин пашни, находившейся за бывшим садовым участком бывшего сельского муллы, являлся самым дальним полем колхоза. Но всё равно мы обрадовались словам бригадира и с вечера упросили соседа Бадук-абый поехать на его подводе.

Вот он, выполнив основную работу на ферме, подъехал к нам на своём круторогом «коне» и, не доезжая до наших ворот, позвал меня:

– Айда быстрее, джигит! До ночи надо вернуться нам...

Я уже ждал его. Быстренько плюхнулся на подстилку соломы рядом с ним. И для успокоения говорю:

– Какой ясный, солнечный день...

– Не надейся ты, Айдар, на такую погоду весной. Сейчас солнечно, а через часок может и забуранить... Говорят же, что у марта месяца характер – как у капризной барышни...

Когда отъезжали от дома, мать вдогонку крикнула:

– Не перегружайте воз, а то вол как ляжет – не поднимете, замучаетесь...

Вот и деревня осталась позади, прижавшись к подножию Комтау. Шумливые галки, клевавшие осыпь следом за нами, тоже стали потихонечку отставать, будто им не хотелось на ночь глядя пускаться в дальний путь по голой и безмолвной равнине. Кругом белое море снега с обледенелыми гребнями застывших волн. Иногда, при поворотах дороги, над ледяными корками снега поблёскивают отражённые лучи солнца. Чуть вдали от дороги, на меже, слегка колышутся засохшие стебли прошлогодней травы. Кругом тишина. И Бадук-абый замолк. Лежит себе на охапке пожелтевшей соломы – хотя бы словом обмолвился. Что с ним такое нынче? Он ведь всегда любил с нами, мальчишками, позабавиться, поговорить. А сегодня его как будто подменили: ни шуток, ни забавных рассказов. Всё думает о чём-то своём. А может, задремал? Нет, не дремлет. Время от времени, когда тяжёлая санка на горбинках скользкой дороги катится из стороны в сторону, он поднимает голову и поглядывает, равномерно ли шагает наш вол. А неприхотливая скотина, с утра запряжённая в ярмо, не спеша перебирает ногами по зимней, уже обледеневшей от воздействия весеннего солнца дороге. Приняв привычку бывалых возчиков, время от времени я подгоняю вола словами «цоб, цобе!...». Видимо, эти заученные слова означают по нашему «шагай быстрее!». Доехать бы нам побыстрее и вернуться домой до заката солнца!

Иногда наш вол спотыкается, при этом на коленке у него что-то пощёлкивает, похрустывает. А временами он настороженно водит ушами. И мне становится не по себе, одиноко в этом безмолвии.

А Бадук улётся бочком на примятой соломе и забылся, ушёл в себя. То ли вспоминает, как беспечным отроком носился по горам и этим полям на своих самодельных дубовых лыжах. Только он, Бадук, шустрый и смелый, мог проложить первую лыжню по самым крутым склонам окрестных гор. Первым прыгнуть в глубокие, омутные озёрки, образуемые на крутых поворотах речки Иртык. Он был не только смелым, но и сильным, мускулистым парнем. За что его и уважал я. Он был мне как старший брат. И умел при необходимости защищать от нападков сверстников. Единственным своим недостатком Бадук считал свой малый рост. Чуть округлённая его фигура действительно была вроде бы ниже фигур своих сверстников. Но по силе и мощи он не уступал им. Об этом знали в Байтирякове все.

А может, он сейчас молча, униженно переживает то, что все его сверстники давно уже в армии, а лишь одного его туда не призвали, указав на недостаточный рост. Его одноклассники Абдулькарам, Тухват, Джигангир ещё осенью были призваны в армию. Теперь они пишут письма из неведомых краёв своим родным и девочкам. Хвалятся, что научились хорошо стрелять и скакать на резвых конях. Присылают фотокарточки, где сняты в шинелях, с длинными

саблями на боку. Вся деревня сходится на них поглядеть. А девушки только о них и говорят. А Бадук по-прежнему скотник на ферме. Привёз воз соломы, роздал коровам, и день вроде бы прошёл...

Осенью Бадук тоже распевал вместе с дружками песни расставания, тоже ходил по домам родственников и знакомых, чтобы попрощаться, получить благословения. А знаменитые, когда-то его отцом смастеренные лыжи отдал мне. Сказал грустно: «Возьми-ка, браток Айдар, на память. Будешь читать маме мои письма, писать мне, что она продиктует...» Бадука в тот раз вернули из областного центра. Почему его вернули – об этом он старался никому не сообщать. Только раз Хубджамал-эби, его мать, сказала моей матери, что он ростом не подходит для службы в армии. Правда, она была этому очень и очень рада... Потом ещё раз вызывали Бадука в район. И опять вернули домой. Я знаю, что Бадук тогда сильно переживал. Такому сильному человеку признать себя негодным для армии было, конечно, тяжело. Говорят, что он уже сам просился в военкомате, сказал будто бы: «Дорасту, война сама вытянет!» Но его вернули обратно...

Медленно едем меж небольшими холмиками у Иртякова дола. Деревни уж давно не видно, осталась где-то за этими холмиками. И лучи предзакатного солнца скользят сзади почти параллельно плоскости снежного покрова. Почему-то тревожно стало мне. Хочу завязать разговор с Бадуком и говорю ему:

– Крепко наши били немца под Ленинградом... Теперь уж наша армия рванёт вперёд, так ведь, Бадук-абый? Вот бы зима подольше продержалась. – Чувствуя внимание соседа, стараюсь быстрее высказаться. – Шафик-бабай говорит, что зимой наша армия лучше воюет. Продержись такая зима, мы бы их, наверное, до самой границы турнули...

Бадук, сказав «да-а», снова погрузился в свои раздумья. Иногда он негромко выводит мелодии известных песен, видимо, вспоминая летние игры-вечеринки. Но даже шуточно-весёлые или плясовые шустрые мелодии выводятся у него сегодня очень и очень тоскливо.

Будь я бабочкой крылатой,
Будь я бабочкой крылатой,
Повидаться бы слетел...
Повидаться бы слетел...

Кончит один куплетик, начнёт другой, третий. А потом снова и снова: «Повидаться бы слетел...»

И перед моими глазами всплывают лунные летние вечера и небольшой майданчик недалеко от сельского клуба. Я как будто явственно слышу, как на саратовской с колокольчиками гармонике частым перебором играют эту плясовую мелодию. И Бадук-абый, раскинув руки, сизым голубком носится вокруг дочери однорукого Хайрутдин-абзый – Гульдамины. Участник прошлой войны Хайрутдин-абзый имел кучу детей. Из них самой шустрой и озорной была, наверное, Гульдамина. Она и мне очень нравилась.

В Байтирякове почти все знали, что мать Бадыгуллы – Хубджамал очень рада была бы женить сына на ком угодно, если его не возьмут в солдаты. При встречах с Гульдаминой она старалась быть ещё ласковее, чем обычно. Да, большинство сельчан знали о дружеских взаимоотношениях Бадука с Гульдаминой. И диву давались, что в такое трудное и горестное время они так красиво дружат. Наверно, его застенчивое ухаживание ещё и ещё раз напоминало молодым солдаткам их первые встречи с будущими мужьями.

У Бадука было двое братьев. Оба с начала войны оказались на поле брани. Старший вот-вот должен был вернуться с действительной службы. И началась война. Являясь моряком и часто отлучаясь с материка, он и раньше писал редко. А в последнее время от него никаких сообщений не было. А другой брат, Бари, был призван в армию в начале сорок второго года.

Писал он регулярно. Сообщал, что легко был ранен, лежал в госпитале. С нового места службы последнее его письмо было направлено в конце января этого года. Как они там? Живы ли ещё?

Да, может быть, сейчас Бадук и о судьбе братьев печалится. Если к весне и его заберут, то старая мать с такими горестями останется совсем одна...

Редееет жемчужный блеск в придорожном снегу. Вот дунул резкий ветер со стороны глади озера у хазратова сада. По белому полю понесло затвердевшие комочки мелкого снежка – снежную крупу. Ворот моей тонкой, как рядно, старой чекмени затвердел, покрылся инеем. Стало зябко, холодно. Я соскочил с саней, решил малость побегать, согреться. Но Бадук сказал:

– Уже подъезжаем. Скоро грузить начнём, согреешься...

Вот мы уже нагрузили воз, потихонечку ползём обратно. Дорога то на бугорок, на холм тянется. То мы скатываемся вниз, в сторону речной уремы. Но тальников отсюда уже не различишь, в вечерних сумерках виднеется только сплошная чёрная их полоса.

– Держи вола за рога, не отпускай! – кричит мне Бадук сзади. – Собиёмся с дороги – домой не доберёмся.

Вол стал чаще приседать на колени. И скользко на дороге, да и устал он. Правда, когда мы загружали воз, он с аппетитом скушал целую охапку соломы. Я тяну вола за рога, а преждевременно повзрослевший Бадыгулла-абый, в недавнем прошлом ещё такой же школьник, как и я, на пригорках изо всех сил толкает воз сзади. Ему тоже теперь не до песен. Устали. К тому же к вечеру подул ветер. А аула всё нет и нет. Если бы даже было недалеко, наверно, всё равно слабый свет свечей в домах не был бы виден нам.

– Аул мы не проедем, браток. Только смотри, чтобы «конь» наш не свернул с дороги. – Этими словами Бадук хочет успокоить меня и себя. Он тоже волнуется, конечно. Знает, что нас ждут там, беспокоятся...

4

Действительно чувало, оказывается, сердце джигита Бадыгуллы скорое расставание с домом. Как только мы выехали за соломой в дальнее поле, пришла ему повестка из военкомата. С невысохших валенок и мокрого ватника ещё валил пар, уже ранним утром он прибежал за мной.

– Правление лошадь даёт. Собирайся, Айдар, отвезёшь меня на станцию, – сказал он мне.

Я вдруг почувствовал себя взрослым. И мне, шестикласснику, доверяют лошадь, чтобы везти старшего товарища до станции. Значит, доходит и наша очередь заменять старших ребят... И мы скоро будем ответственными во всех делах...

На улице, возле кошёвки Бадука, уже стояли несколько человек. Из мужчин был только Шафигулла-бабай – конюх из конюшни правления колхоза.

– С победой вернись, сынок... Встретишь наших – передай: держимся, ждём их, – сказал он напоследок.

А Хубджамал-эби, опираясь на плечо сына, повторяла почти одни и те же слова:

– Бадыгулла, сынок... а как же я буду?! С кем же я остаюсь?..

Её стараются утешить соседки. Говорят: «Может, он ещё раз вернётся...» А когда воз тронулся, женщины её еле оттащили от саней... Бадук потом долго угрюмо молчал. Я чувствовал, как тяжело было ему в этот раз одному уезжать из села. В другие разы ведь они всегда были со своей компанией – все вместе... А когда вместе – всегда легче переносить всякие невзгоды.

* * *

На этот раз Бадук не вернулся. Правда, сначала он служил недалеко. Письма его приходили с ближайшего лагеря, откуда в летнюю раннюю зарю, говорят, были слышны глухие хло-

панья – отголоски стрельбы из крупных пушек. По словам Хайрутдин-абзый, там находился артиллерийский полигон. И до этого лагеря от нас вроде бы не более восьмидесяти километров. В начале лета даже пронёсся слух, будто бы Бадука видели у ворот дома Гульдамины. Будто кто-то слышал, как он на их стороне улицы напевал свою любимую песню: «Будь я бабочкой крылатой». Но скорее всего это было чьей-то выдумкой. Придя в село хотя бы на короткое время, не мог же он обойти дом своей одинокой матери. А Хубджамал-эби о таком случае не рассказывала.

Она часто заходила к нам и делилась своими горестными переживаниями за сыновей. И на улице, бывало, как увидит меня, всё к себе зовёт:

– Идём-ка, сынок, прочти ещё раз письмецо Бадыгуллы. Может, тогда я чего-то недослушала...

Правда, все эти письма уже не раз были прочитаны. Сначала их с подробными объяснениями читала моя мама. Она по пути со школы первой заглядывала на почту, часто раньше девочки-почтальонки приносила домой письма. Но Хубджамал-эби ещё и ещё раз хотелось их слушать. А зайдёшь к ней – никак не отпустит. Различными разговорами постарается, чтобы зашедший к ней человек пробыл в её доме хотя бы какое-то время.

– Что-то меньшей мой приснился мне сегодня. Ласковый такой. И раньше иногда он бывал таким... Угощу-ка тебя перемячем. Уж больно любил мой Бадыгулла картофельные перемячи...

Да, зайдёшь к ней, вот такими разговорами она постарается отвлечь тебя от других дел. А после прочтения старых писем Бадука, иногда она просит ещё остаться у ней ночевать. А ночью сквозь сон слышишь её постоянные бормотания. Лежит ли она у тёплой печки, или чуть свет сидит на молитвенном ковре, она шепчет-нашёптывает: «О Аллах, дай моим сыновьям здоровья и благополучия. Дай здоровья всем моим добрым соседям, воюющим сейчас с врагами нашими...» Но чаще всего она упоминает младшего сыночка: «Бадыгуллам, сынок мой, на кого же ты покинул меня?! Малыми крошечками вы остались у меня без отца. Подрастали вы, а я радовалась, что не одна я, не одна... Где же вы теперь?.. Все вы покинули меня... Горе, горе мне!.. Холодно мне... И вам, наверное, холодно в тонких шинелишках... Холодно мне, будто снегом так и сыплет, сыплет на грудь... Ай Аллам!...» А иногда начинает быстро-быстро что-то бормотать, потом слышится суеверное «Тьфу, тьфу!...» – как будто Хубджамал-эби заговаривает кого-то от пули, от бомб, от нечистой силы...

Насилу выдержала она последнюю военную зиму. Всё время жаловалась, что в груди у неё колет, дышать невмоготу. И зябко было ей и у себя возле печки, и у нас возле горячего самовара. А порадоваться по случаю победы ей было не суждено. Извещение о героической смерти очень любимого ею младшего сына, грудью защитившего своего командира от вражеской пули, так же не застало её. В весеннюю солнечную пору Хубджамал-эби вдруг не стало. Будто стаяла жизнь её, как мягкий апрельский снежок.

Великое, всенародное торжество пришло чуть позже. Помню, в то майское утро сначала неожиданно выпал ярко-белый запоздалый снег. Сакина-апа, дежурившая в эту ночь в сельском совете, чуть свет заметалась от дома к дому, оставляя на снегу следы стёртых галош и одаривая всех радостью:

– Пабида! Пабида! – кричала она в одно окно и сразу же бежала к дому напротив, чтобы успеть сообщить всем эту радость.

Мы тоже выбежали на улицу и, сверкая покрасневшими пятками, мчались к родным и близким.

Только к дому Хубджамал-эби никто уже не подбегал, не кричал ей в окно это волшебное слово «победа». А память Бадука – самодельные дубовые лыжи ещё долго оставались у меня. Даже уезжая после ФЗО насовсем в город, я взял их с собой.

5

Выслушав меня, Шагиахмет-абзый добавляет:

– Да, паря, трудностей вынесено – не пересказать. А ведь мы с твоим отцом вместе на войну уезжали, на его полуторке. На второй же день с начала войны. Помню, ехали как на сабантуй. В кузове машины полно было мужиков. Учитель Хабиб всё время запевал этакие бодрящие, бравые песни. Многие из нас ему подпевали. Кто же думал тогда, что всё так надолго затянется? И Хабиб, и отец твой, и Бадыгулла остались кто где – одни недалеко, у Волги, другие на чужбине... Признаться, Бадыгуллу я смутно помню. Мальчишкой он был, когда мы уезжали воевать... Увидел бы тебя сейчас отец, что подумал бы, а?..

– Когда погиб отец, ему ещё не было и полных тридцати четырёх лет, – говорю собеседнику. А в уме с удивлением замечаю себе: в этом году и мне исполнилось ровно столько же лет. Вот совпадение... Раньше как-то и не думал об этом. Отец мой погиб так давно. Тогда ещё и Бадук был рядом. Почти мальчишкой был...

Мы уже едем по гребню Очлытау. Скоро опять, но уже с близкого расстояния, покажется белосаманное Байтиряково. Сумка Шагиахмет-абзый, полная газет и мирных, радостных писем, лежит на свежем, приятно пахнущем сене. Во-он и первые дома и извилистые улочки села. В ней я жадно ищу приметы моих мальчишеских лет, обшариваю глазами родные места. Ищу сиротливый домик Хубджамал-эби. Живёт ли кто-либо в нём сейчас? Ищу дом Гульдамины за рекой.

– Гульдамина сейчас мать пятерых детей, – замечает Шагиахмет-абзый. – Правда, поздно вышла она замуж, всё не забывалась, видно, сердечная рана. А живут хорошо, слаженно. Муж у ней оказался добрым парнем, хоть и не из нашего села.

Да, Гульдамина теперь, наверное, и не вспоминает свою первую любовь. А может быть, всплывают иногда в её памяти ребяческие нетерпеливые ожидания чего-то важного. И может, бережёт она в душе образ своего семнадцатилетнего Бадука, не ставшего в её жизни Бадыгуллой.

Я тоже не могу себе представить его сорокалетним. Хотя сорок ему исполнилось бы ещё года через три-четыре... Я и сейчас будто вижу, как он лежит на отводе саней, на примятой соломе и тоскливо глядит на снежные дали, грустно, почти шёпотом выводя любимый свой куплетик: «Будь я бабочкой крылатой...»

Да, не довелось ему ни мать оплакивать, ни стать отцом – продолжателем рода своего.

И несмотря ни на что, мне всё же кажется, что Бадук жив, только не рядом с нами, а где-то далеко-далеко. Это, наверное, оттого, что Хубджамал-эби тоже ушла из этого мира давно, и не ждёт, как другие, своего Бадука у крыльца.

...Волоча за собой тучу белёсой пыли, со стороны Актау спускается в аул большое стадо. Время от времени по улицам Байтирякова деловито проезжают автомашины. В долине речки, чуя приближение тёплого вечера, подаёт голос дергач: тарт-тарт, тарт-тай. Как будто спрашивает у меня: «Кайттыңмы?» («Вернулся?») На задах, со стороны огородов, слышен чей-то негромкий голосок: «Придёт весна... придёт любовь...»

Вот Шагиахмет-абзый взмахнул кнутом, не задевая крупа лошади, щёлкнул им. Игривая кобылица и сама уж хотела поскорее освободиться от хомута и послушно затрусила к мосту через речку Иртяк.

1966

В метельную ночь

1

Для бригадира Крутойярского участка эта зима оказалась несколько неожиданной. Он знал, что для путейцев зимние месяцы – самое неблагоприятное время. Но, похоже, недооценивал, насколько изнурительными, изматывающими душу они могут оказаться для него. Уже сколько недель неустанно завывает ветер, кружат метели. А ведь здесь он оказался по своей воле... Впрочем, что можно было успеть увидеть и узнать за время прохождения двухмесячной практики в годы учёбы?! Тем более, что половина этой практики проходила в самый разгар лета. И, главное, ответственность за всё тогда лежала на других, а практикант Закария работал лишь под их прикрытием. А сейчас восьмикилометровый участок дороги всей своей «тяжестью» давит на его плечи и душу...

Разъезд Крутой Яр, состоящий из четырёх старых барак-казарм и горстки частных домишек, сейчас стал напоминать Закарие богом забытый островок на краю земли. Действительно, на карте железных дорог, занимающей одну из стен бригадирской комнаты, такого пункта вовсе и не было. Сколько названий городов и станций обозначено на этих пересекающих Уральские горы вдоль и поперёк красных линиях дорог, напоминающих местами паучью западню! Но не значился на этой большой карте их зажатый между скалистыми горами Крутой Яр. Правда, в первые же дни своей работы Закария, тогда ещё не обеспокоенный этой неизвестностью, в одном месте красной паутины – между двумя соседними станциями со знакомыми названиями – поставил точку фиолетовыми чернилами. Крутой Яр должен был находиться здесь – ровно посередине этого промежутка с ноготок.

Однако сегодня созерцание карты не рассеивает чувство заброшенности и одиночества, постепенно превращавшееся в нечто похожее на недуг.

А ведь совсем недавно он приехал сюда, на эту неизвестную точку, окрылённый стремлением свершать большие дела. Тогда этот неказистый разъезд встретил его приветливо, улыбаясь своими крупными, словно блюда, цветущими подсолнухами. Даже окружавшие Крутой Яр тёмно-бурые горы не показались тогда такими невзрачными, такими тёмными, громоздкими. Наоборот, окрыляя душу, по-дружески манили к себе. Закария тут же по-детски влюбился в них. Словно спеша на встречу с почётным родственником, уже на второй день после приезда он вскарабкался на самую крутую вершину горы. Вознесясь так высоко, он любил тогда устремлять свой взор в пространство дальних горных гряд...

А теперь почему-то кажется, что эти горы, эти суровые скалы теснят его душу и даже не дают свободно двигаться. Если бы не их плен, он, может быть, давно уже выбрался бы из этой заснеженной ямы, давно бы добрался до бурлящей жизнью большой станции. Перед его глазами возникли видения шумной городской улицы, заполненной элегантно одетыми людьми. Только что за чудо, оказывается, это не улица, а рельсовая дорога с торчащими концами шпал. Уж не пристанционная ли это улица? И почему этот сердитый человек не даёт пройти вперёд, теснит его и толкается? Отчего и его помощник Карамат, считавшийся его правой рукой, поглядывает на него так строго, хмурит взгляд и отворачивается? А поезд идёт... нет, едет прямо на Закарию. Надо бы посторониться, успеть отойти в сторону! Вон и улица содрогается, огромный тепловоз, закрыв своим безобразным корпусом всё на свете, стал ухачь возле самого его уха. «Пуф-пуф-пуф...» Вот-вот его задавит, а Закария никак не может сдвинуться с места...

2

Убаюканный завыванием ветра, погружённый в бредовый сон, Закария не сразу проснулся под нескончаемую трель телефона. Очнувшись, кинулся к телефонному аппарату, стоящему на рабочем столе в противоположной стороне комнаты. Слышался сотрясающий стены казармы грохот колёс проходящего мимо тяжелогружёного состава. Вот участился стук колёс на стыках рельсов, голова состава, видимо, минув стрелки разъезда, вышла уже на прямую дорогу. Машинисты – народ такой: как только тепловоз оставит за собой опасный участок, скорее тянутся к рычагу скорости, не думая о состоянии хвостовых вагонов. И тут уж эти вагоны, словно отставшие от матери утки, раскачиваясь и ударяясь обо что попало, начинают проявлять свою прыть. Если один из этих вагонов кувыркнётся под откос, будут винить путейцев.

Закария привычно подумал: «Ага, не остановился, значит, впереди встречного поезда нет». Если бы ему год назад сказали, что он будет мысленно сопровождать каждый проходящий поезд, не поверил бы. Он же не верил, когда говорили, мол, «и во сне вижу только поезда». Верно ведь говорили.

В последние несколько дней у Закарии было плохое самочувствие. Только выйдет на мороз, пробирают озноб и дрожь, всё тело покрывается холодным потом. И впрямь, говорили же ему знающие люди, что придётся изнуряться на этой работе до седьмого пота. Неужто в самом деле? Да быть не может! Ерунду, наверное, болтали... Но то ли действительно этот самый седьмой пот тому причиной, то ли ещё чёрт те что, но откуда-то наваливается вялость и доходит до того, что он еле передвигает ноги. Только недавно, вернувшись с проверки работ путейцев, очищающих входные и выходные стрелки в разных концах далеко растянутых, проложенных полукругом вокруг скальной горы путей разъезда, он, измученный от слабости, свалился на свою лежанку. Доходящее через дощатую перегородку тепло печки с запахом каменного угля, усталость и невесёлые думы сделали своё дело, разморили – вот он и погрузился в бредовый сон. А ведь на столе его ждёт срочная работа – недельный отчёт о выполненных мероприятиях. Он твёрдо намеревался закончить её сегодня днём, в выходной день.

Услышав неистовый телефонный звонок, он скинул с себя слегка отсыревшую от хождения по липкому мокрому снегу шубу и потрусил в передний угол комнаты. Что ещё там стряслось? И в выходной день не дадут немного отдохнуть. Наверное, мастер по нему соскучился, устав от перепалок со своей сварливой Машкой. Небось, намеревается отчитать, почему, мол, до сих пор не сообщил недельную сводку.

– До чёртиков устал от этой работы... – Ворча таким образом, он подошёл к столу. – Але! Бригадир слушает! – сказал он в трубку.

Оказывается, звонят со станции, сам главный диспетчер.

– На Халиловском перегоне рельс лопнул. Там обходчик Хисмат, это он сообщил машинисту поезда. Прими меры, бригадир! Спешите! – приказал он.

Если, как сказал диспетчер, лопнул рельс, поезда ходить не должны. А ведь оттуда только что прошёл состав. Выходит, не совсем сломался, должно быть, только треснул. Для Закарии спокойнее, конечно, если рельс только треснул. Если лопнул, дела будут похуже, остановится движение, на бригадира посыплются упрёки.

Ещё вчера ветер обжигал лицо, а сегодня вот идёт мокрый снег – за ночь ветер переменялся на южный. В результате всего этого чувствительным к этой перемене погоды оказался, как это часто бывает, стальной рельс. Хотя и человек ведь тоже так, работает, словно стальной, не зная меры, и неожиданно возьмёт да и «сломаётся».

Размышляя подобным образом, Закария поспешно одевался. Кто же сегодня дома из бригады? Карамат с женой, возможно, ещё Магинур. Ещё... Жаль, что нет семьи Валимухамеда. И

он, и его старший сын отпросились на свадьбу. И Закарию приглашали, уж очень уговаривали. Нет обиды на деда Валимухамеда, пусть с удовольствием справляет свадьбу родственника. Дня три-четыре назад их двоих постигла такая же участь. И тогда его, Закарию, диспетчер поднял с постели так же среди ночи:

– Авария, Забиров, на семьсот шестом километре вагон рассыпался, на дорогу высыпались брёвна! Я пока держу здесь поезда, скорее беги туда с бригадой! – кричала в трубку паническим голосом Серафима Петровна, женщина с суетливым характером.

Он тогда ей посоветовал:

– Пусть «чётный» потихоньку выйдет навстречу, если что, подождёт там. А мы скоро будем.

В такие минуты нельзя колебаться и тянуть резину. Как только узнал, в чём дело, решил вопрос, сколько же нужно людей и какие понадобятся инструменты. Тогда Закария, прикинув, что, наверное, хватит одного подручного, разбудил только Валимухамеда, живущего в той же казарме, что и сам. Если что, он надеялся встретить кого-либо из работающих посменно обходчиков.

Да, он не ошибся. Когда они, спотыкаясь и падая в темноте, прибежали к темнеющим на снегу сосновым брёвнам, обходчица Апанасова была уже там. И сил-то нет у бедной старушки тягаться с этими брёвнами, но она молодец, на своём посту оказалась – начала принимать меры. Как ей не скажешь спасибо! Свою благодарность обходчице Настасии Апанасовой и деду Валимухамеду он повторил и утром, перед бригадой. Хорошее дело любого члена бригады никогда не должно забываться. Добрый, покладистый дед Валимухамед у бригадира был в особом почёте. Закария только вначале недоумевал, почему это не дошедшего ещё до пенсионного возраста человека все в разъезде называют «дедом». Возможно, причиной этому было его пасмурно-тучное лицо с каким-то грустно-постным выражением. Или же многочисленность детворы, вечно путающейся под ногами с криком «бабай». Казалось, его внуками была заполнена вся казарма, хотя они и занимали всего две комнаты в дальнем её конце. Своё жильё путейцы почему-то называют не «домом», или хотя бы «баракком», имея в виду барачный тип этого жилья, а обязательно казённо «казармой». Видимо, это след военной поры, когда железнодорожники находились на полувоенном положении, и один из старых путейцев разъезда Валимухамед именно тогда был мобилизован на эту работу из своей небогатой деревушки. Человек порядочный, послушный, он с тех пор служил здесь и посвятил свою жизнь и жизнь семьи нелёгкому путейскому делу, не теряя понапрасну времени на поиски более лёгкой работы. Что ни поручишь, всё делает добросовестно, можно даже не проверять. Жаль, что сегодня его нет и его сына с женой – всего восемь рабочих рук отпустил он вчера на свадьбу.

...Выходит, в его сегодняшнем активе почти одни бабы и ближайшая из них – тётушка Шамсельбану. Пропахивая снежные сугробы, он прошёл мимо стоящих друг за другом двух длиннющих барakov: один – с семьями путейцев, другой – работников движения – дежурных по разъезду и стрелочников. Вот кому в такие ночи завидовал Закария, так этим самым движением. Хоть и у них служба не сахар, как говорится, круглогодичная трёхсменка без выходных и праздников, но зато без авралов почти, без каких-либо аварий. Время, положенное спать, – спи, никто тебе не помешает. И к тому же почти всегда в тепле, не считая, конечно, службы стрелочников. Хотя и они всегда при утеплённой, да где там утеплённой – при жаркой своей будке без особых надобностей на улицу и не выглянут.

Закария бегом пробежал возле тёмных окон длинного с каменно-бутовыми стенами барака движенцев и очутился в зоне «частного» сектора. И торкнулся в дверь ближайшего низкого саманного домика с небольшой прихожей, где тотчас же задвигались, забежали испуганные им дородно-знатные козочки тётушки Шамсельбану. До этого они мирно хрумкали свежее пахучее сено своими мелкими алмазными зубками. Закария не раз зарекался по ночам не открывать этой двери, не тревожить этих изнеженных лохматых существ после захода солнца.

Они обеспечивали свою хозяйку дополнительным доходом: ценным пухом для шалей и густым жирным молоком для чая. Но сегодня вынужден это сделать, иначе не с кем идти на перегон.

Конечно, кого бы то ни было нелегко звать на работу в единственный выходной в неделю. В Крутом Яре это ещё усугубляется тем, что у каждого имеется своё личное хозяйство, живность там разная и прочая мелочь. Значит, у них достаточно причин, чтобы отказаться от срочной дополнительной работы, сославшись на то, что вот корова телится или козочка любимая занемогла...

Думая про себя так, Закария, чуть пригнув голову, влетел в аккуратненькую, белённую со всех сторон комнатёнку и сразу выпалил:

– Айда пошли, Шамсельбану-апа, срочно на работу. Рельс лопнул. Скорее одевайся.

Было не до церемоний, время действительно не ждало. Но Шамсельбану-апа подобных спешек видела-перевидела. Сначала она стала выяснять: кто где и у кого уже побывал бригадир. После этого довольно долго жалостно причитала:

– Ах, и проклята же моя работа... Зачем только привязалась я к ней... Да и ты, бригадир... раньше старались женщин по ночам не вызывать... Да-а, мужиков непутёвых... Бельё моё, будь оно неладно, вон целый бак кипятить поставила было. Что же станет теперь с ним?

И начала ругаться и обзываться: и бельё, и целый свет начала характеризовать в хлёстких путевых выражениях. Закария тем временем быстренько исчез. И чего так кипятиться, если бы было кого брать, стал бы разве её тревожить?

Естественно, что и Магинур-апа не ждала его с пирогами. Как только выговорил: «Магинур-апа, надо одеваться», тоже с упрёком ответила:

– Теперь и в колхозе так не работают... И днём работа, и ночью возишься, как каторжник... – ворчала она, прохаживаясь взад-вперёд по комнате и не спеша одеваясь.

С языка Закарии чуть не сорвалось: «Коли так, возвращайтесь в колхоз». Но это прозвучало бы оскорблением...

И тогда слова ругани и порицания, приготовленные для других, Закария обратил в свой адрес. Кто же навязал ему все эти нескончаемые хлопоты? Не из-за своей ли глупости он согласился стать здесь бригадиром? Дескать, собираемся тебя, товарищ Закиров, послать ответственным лицом на такой-то важный участок. Ты знаешь, мол, язык, обычаи местного населения, к тому же есть у тебя и опыт руководителя. Как-никак, а на военной службе был командиром отделения, ефрейторское звание имеешь. И знаний, дескать, достаточно – техникум кончаешь. И насчёт опыта не особо беспокойся – каждый приобретает его работая. Вот и возьми-ка за этот участок, будь там, мол, главным руководителем.

Вот такой похвалой, видимо, и вскружили голову Закарие. И стал он «главным» на свою голову! Вон, например, Вася, с которым в техникуме за одной партой сидели, оказался умнее. Хотя и исполняет скромную обязанность техника в конторе, зато живёт на большой станции, среди людей разных; отработает свои восемь часов и отдыхает с удовольствием. Пишет, ходим, мол, в кино да на танцы, и девчата, мол, все пригожие. Все тысячи удовольствий парню. Не мучается, не мокнет на снегу и не ругается постоянно со всеми из-за каких-то «важных дел». А Закария днём и ночью на дне этой заброшенной преисподней.

Кстати, насчёт ругани: что-то в последние дни чувствуется холодок в их отношениях с Караматом, помощником бригадира. А сегодня без него шагу не ступишь, вся надежда на Карамата. Если не будет артачиться и если, к счастью, будет на ногах – ведь выходной, – они ещё как-то справятся. А если уж счастье ему изменит, – Закарие с тремя тётушками-пензионерками придётся изрядно хлебнуть горя. Нешуточное это дело – среди зимы менять рельс на перегоне. Нужны здесь и сила, и сноровка. Вдобавок ещё нужно уволочь эту полутонную чёртову железку за пять километров.

Закария мельком бросил взгляд на часы – прошло всего восемь минут, как он выбежал из своей конторки-квартиры. Значит, возле Хисмата ещё ничего не должно было произойти. Вот

вот, наверное, скалистая Кыя Тау должна дать знать эхом о шуме приближающегося поезда. Только Закария пока никак не привыкнет к одной хитрости Кыя Тау – гора как плохой репродуктор, стоявший когда-то на их деревенской площади, – если тепловоз свистнет справа, ощущение такое, будто он приближается с левой стороны.

3

Карамат – мужчина средних лет – опора бригады. Работает он споро, сноровисто. Пока другие раскачиваются, смотришь, он уже полдела сделал. Не зря, наверное, говорит его сосед и свояк Хисмат, дразня его и одновременно восхищаясь: «Джин ведь он настоящий. Да ещё вы не видели, что он вытворяет дома. Без дела и минуты не посидит. Это просто нечистая сила, наверное...» И действительно нечистая сила этот крепыш Карамат. Коль он начнёт какое дело, уж ничто его не остановит, кроме, может быть, какого-нибудь словечка, неудачно высказанного при этом. Ибо он ещё и достаточно упрям, своенравен. А если уж заупрямился, – уговаривать бесполезно. В такие моменты добра от него не жди. Может даже забрать свои инструменты и уйти домой. Знает себе цену!

На днях они с этим Караматом очень резко поговорили. И почти что без видимой причины. В тот день Закария и так чувствовал себя неважно, словно несомая ветром снежинка. И с мастером поутру обменялись довольно злыми выражениями. Если не спеша разобраться, – вроде оба правы. Надо было срочно убрать кучи снега и сколотого льда, накопленного между путями разъезда. Очень уж они мешали там всем. Если увидят, и начальству не понравится. Вот мастер в то утро и говорит, что он жалеет бригаду, а то давно бы, мол, снег этот куда-нибудь перебросили. А сам ведь знает, что у них не как у других, кругом горы да скалы – перекидывать некуда. Всего несколько дней тому назад вместе решили, что некуда таскать, перед казармой же не навалишь. Чтобы всё это вывезти, мол, понадобится несколько порожних вагонов.

Хоть Закария и пытался заговорить о вагонах-платформах, тот отмолчался. Если делать так, то слишком хлопотно для самого мастера, придётся выпрашивать у начальства платформу, искать тепловоз, вставить часы его продвижения в дневной диспетчерский график, то есть дня два как минимум заниматься только этим, просиживать у телефона. Конечно, гораздо проще кричать на бригадира, мол, «пусть бригада твоя немного пошевелится, совсем обленились».

И Карамат заупрямился именно в день спора с мастером. В тот день Закария должен был с недежурившей частью бригады разобрать и собрать стрелку напротив семафора слева. Одна её сторона немного осела – врезалась в шпалы под тяжестью поездов. Если какой-нибудь машинист, решив проявить лихачество, прибавит здесь скорость, может случиться непоправимое.

Они сгребли и вымели снег, затем стали обтёсывать эти шпалы неудобными «французскими» топорами. В самый разгар работы сломались рукоятки двух топоров из имеющихся трёх. Следить за исправностью инструментов в бригаде было поручено Карамату, он даже получал за это дополнительную плату, оформленную на сына-ученика. Так было заведено давно, до сих пор и Закария, и бригада были довольны его работой – инструменты всегда были в порядке, да и сын всегда помогал в этом отцу. Когда другие, отработав рабочие часы, расходились по домам, они почти каждый день оставались у инструментного сарая, старались починить все сломанные и затупившиеся инструменты.

Обозлившись на сломавшиеся в самый неудачный момент топорница, Закария прикрикнул на Карамата, поторопил его: «Побыстрее!»

Вот после этого Карамат и вспылал. Видимо, выплеснулась переполнявшая его уже давно злорада. Говорит, брошу работу и уйду. Мол, больше и ноги моей не будет в сарае с инструментами. Ты, говорит, только с такими сладкоречивыми, как Хисмат, и дружишь. В бригаде теперь только им почёт и хвала. Карамат корил Закарию таким образом ещё довольно долго. И в самом деле, он только на прошлой неделе вывесил благодарность смотрителю путей Хисмату.

Правда, в его словах есть истина: изредка они с Хисматом вместе проводят вечера. Посиживают иногда, обсуждая увиденное и прочитанное, лузгая семечки, калённые Магинур-апа.

4

Карамат был в бане, когда пришёл Закария. Поговорили через дверь.

– На Халиловском перегоне рельс лопнул, надо поменять... Как ты?

– Вы идите пока, догоним, – ответил Карамат.

От бани Карамата Закария напрямую вышел к своей казарме. Порадовался звучащему издали ровному гулу. Со встречной стороны идёт поезд. В то же мгновение, встревожив душу, промелькнула мысль: «Идёт. Но пройдёт ли?» Конечно, Хисмат знает своё дело, если не поленится. Лишь бы смог пока пропускать поезда без осложнений. Потому что даже если очень поторопиться, бригада подойдёт к нему не раньше чем через час.

Дверь лачуги с инвентарём была открыта, при свете фонаря Магинур и Шамсельбану укладывали в продолговатый ящик разные инструменты. Станок для резки рельсов стоял чуть в стороне – он всё равно не помещается в ящик, всегда отдельный груз, причём тяжёлый и неудобный, и обычно его не хочется носить с собой.

Закария первым делом вытащил из угла кладовки и поставил на путь тележку. На эту приспособленную двигаться по одному рельсу тележку с одной ручкой установили тот ящик и станок и пошли за рельсом.

Чем больше они отдалялись от прикрытия домов, казарм, тем злее казался ветер. Еле остановив уже чуть было не опрокинувшуюся тележку, Закария быстренько надел и туго завязал капюшон плаща. Так, конечно, значительно теплее, но есть риск не услышать приближение поезда, придётся чаще оборачиваться и оглядываться. Как же там Хисмат терпит на таком ветру? Он ведь уже почти час вынужден топтаться на одном месте. Когда портится настроение, он обычно не ругается, как другие, а громко поёт. И сейчас, наверное, так же, напевая, попрыгивает.

Вот они уже проходят мимо семафора. Шамсельбану на тридцать-сорок шагов впереди, Магинур сзади идут с красными фонарями. А мокрый снег так и липнет к одежде, забивает глаза, замедляет дорогу. И ночная темнота сгущается ещё сильнее. Сползавший то в одну, то в другую сторону длинный рельс неожиданно выдернул ручку тележки из рук Закарии и нырнул в мягкий снег. Вслед за ним разлетелись в стороны ящик с инструментами и резной станок. Закария даже не заметил, как рельс сполз на самый край, видимо, это случилось в тот момент, когда он оглядывался назад, пытаясь разглядеть нагоняющих.

– Рельс гнутый, что ли, попался? – притворно сказала видевшая всё это Магинур.

Уж не такие бедные времена, чтобы на зиму гнутые рельсы оставлять. Закария знает, что Магинур сказала так, чтобы лишь утешить его. Если будут так через каждую версту опрокидываться или пропускать поезд, то и к полуночи не дойдут до назначенного места. Наверное, уже вот-вот должен пройти вечерний скорый. Если не опоздает... да, если не опоздает, осталось ещё примерно четыре минуты. Значит, нет смысла пытаться поднять тележку.

В это время со стороны застроек Крутого Яра показались два силуэта. Похоже, что в эту сторону «катятся» крепкие, как пень, кругленькие Карамат и Карима. Что интересно, народ в этих краях крепкого телосложения, ростом чуть ниже среднего, лица как блюдца. Среди них лишь старушка-кряшенка Настя тонка, как маленькое веретенце, да Хисмат солдат возвышается, словно серебристый тополь среди клёнов. Ростом он почти как Закария. Иногда Хисмат любит пошутить: «Меня вырастила сахалинская селёдка. Немало я ел овсяной каши с крупной селёдкой за семь лет службы там».

Шумно, торопясь, промчался скорый поезд. Лишь свет замёрзших окон и запах тёплого дыма пощекотали душу, и защемило в сердце от напоминания о том, что есть где-то светлый

мир, спокойная тёплая жизнь и загадочная любовь. Вряд ли кто-то из тех, кто мирно покачивался в этих промчавшихся, словно ураган, тёплых и светлых вагонах, задумался о Закарие и Магинур, Хисмате и Карамате, стоявших спиной к ветру и набиравших сил для продолжения пути.

Когда, промучившись, уже почти уложили тяжёлый рельс на тележку, подошёл и Карамат. Оказалось, что с фонарём за ним шла дочь.

Закария с трудом прошёл ещё некоторое расстояние, слегка толкая ручку тележки в разные стороны, пытаясь сохранить равновесие. Почувствовав, что не может прекратить раскачивание этой бестолковой «дубины», он снова остановился.

– Дай-ка мне, былгадир, что-то она тебя сегодня не слушается, – прямо, словно наступив на большую мозоль, сказал Карамат и взял тележку из его рук. Затем, как обычно, чуть наклонившись в сторону, довольно ловко покатил тележку вперёд.

5

Оказывается, похожая на отца полненькая и крепко сбитая дочь Карамата приехала откуда-то на выходные. Устроившись сюда на работу, Закарие вроде не приходилось ещё видеть её. Хотя, может, и видел, но не обратил внимания. У Закарии нет привычки заявляться к Караматам без причины. Как-то не принято.

Девушка идёт впереди, держа сигнальный фонарь. И хоть бы раз оглянулась. Не уходит далеко вперёд и не отстаёт.

А Дилюса же шла, представляя перед глазами молодого бригадира. Такой мрачный, зачем он так нахмурился? Можно подумать, невесть что случилось. На дороге без происшествий не обходится, не первый раз в Крутом Яре рельсы меняют. Может, не прошёл у бригадира гнев на её отца? Ведь говорит же мать, что бригадир очень разозлился в день ссоры, с тех пор даже толком не здоровается. Вот и сейчас насупился он, на Дилюсу лишь из-под бровей взглянул.

Сегодня она сама упростила отца выйти с бригадой, сославшись на то, что «маме нельзя после бани на холод». Дилюсе была знакома и близка работа на путях. Особенно любит встречать поезда и провожать их в далёкие неизвестные края. С особой надеждой и нетерпением дожидается она пассажирского поезда, который останавливается в Крутом Яре раз в два дня. Несмотря на дела, всегда выбегает к путям встретить его и машет рукой вслед. Для неё большая радость, если поезд по каким-то причинам задерживается в Крутом Яре. В таких случаях, особенно летом, молодёжь выпрыгивает из зелёных комфортных вагонов, чтобы пройтись, восхищаясь красотой Кыя Тау.

– Ах, эта гора! Ах, эти скалы!.. – восклицают они.

Некоторые подходят к Дилюсе, расспрашивая о разном, словно интересуясь. Даже подразнивают: «Эй, красавица, давай возьму тебя с собой далеко-далеко!» Это была пора, когда девушка уже ловила на себе восхищённые взгляды...

Воспоминания о том, как Дилюса смотрела вслед загадочным поездам, казались ей сейчас лишь сном об интересной детской игре. Да, качающиеся огни уходящего вдаль поезда оторвали её от мечтательного детства и унесли куда-то на чужбину, вырвали из Крутого Яра, подобного раю. А ведь и здесь, оказывается, были такие чудесные мгновения. Кто же мог подумать, что уже через четыре-пять месяцев Дилюса так соскучится по этому маленькому разъезду! Казалось, что вот только попади она в крупный город, большой мир, и совсем о нём не вспомнит. А на самом деле и этот грустный разъезд может заставить так по себе скучать! Оказывается, когда ты одна в большом городе, бывает также грустно и печально.

Дилюса, обдумывая всё это, шагает перед бригадой. Тянувшаяся еле видимыми нитями дорога становится всё длиннее, бежит вперёд и торопит куда-то.

6

Ветер воет и воет. Валит снег. Мир словно утонул в темноте. Стали совсем невидимы столбы, гудящие у дороги. Хисмат подолгу тревожно вглядывается в сторону Крутого Яра. Сквозь ночь и метель уже не видно стало даже Кыя Тау. Хисмат больше часа топчется на одном месте. Он то хлопает рукавицами, то ходит взад-вперёд. И всё же не отдаляется от найденного им разбитого рельса. Как только появляются огни поездов, начинает махать фонарём, чтобы они остановились. Затем, пригибаясь почти под самые вагоны, прижимает отломившийся кусок рельса лопатой и аккуратненько пропускает поезда через это опасное место. Приподнимает один наушник шапки-ушанки, чтобы лучше слышать, крепко сжимает в руках черенок лопаты, уже расплющенной колёсами поездов, и командует машинисту:

– Давай!

Колёса, медленно въехавшие на опасный участок, начинают набирать скорость, и кажется, что тот кусок под лопатой вот-вот выскочит. А Хисмат всё стоит, согнувшись в три погибели, скрипя зубами и забыв о больной пояснице, терпеливо выжидая, когда длинный состав пройдёт весь. Когда проходит последний вагон, он уже чуть не падает от головокружения.

Конечно, так пропускать поезда категорически запрещено. В таких случаях, согласно инструкции, дорога должна быть закрыта, движение поездов остановлено. Но так делать просто невозможно. На это уходит очень много времени. Да и не поглядят никого по головке за закрытую дорогу, поднимется большая шумиха. Быть может, она и не коснётся самого смотрителя путей Хисмата. Наоборот, его могут даже похвалить за то, что вовремя принял меры. А что скажут бригадиру?

И всё же, какими бы образованными ни были этот бригадир и мастера, Хисмат ничуть не хуже знает дорожную работу, это факт. Он только сейчас числится на лёгкой работе – путевым обходчиком. Вон и шурин Карамат тоже поднаторел лишь благодаря ему, и хотя ходит в помощниках бригадира, а всё же столько, сколько Хисмат, ещё не знает.

Топчется на месте Хисмат, думая обо всём этом и замерзая в открытом поле, и лишь проходящие мимо поезда прерывают его мысли.

7

Ещё до прихода бригады Хисмат расчистил снег, чуть ослабил гайки на болтах и костыли – клинья на концах шпал рельса, который надо поменять. Бригада сразу же принялась за работу, едва прибыв на место. Никто сейчас не обращает внимания ни на падающие сверху хлопья мокрого снега, ни на вой ветра. Можно подумать, если сегодня, вот в этот час они быстро и чётко выполнят эту работу, то с завтрашнего дня их ждут райские наслаждения. С таким рвением взялись за работу, вздохнуть некогда, и даже не слышно ни слова!

Снежная метель беспрестанно набрасывается на них наряду с сильным ветром, дёргает за подолы, раскрывает полы шуб.

При свете фонаря Закария измерил длину рельса.

– Отрезаемый кусок довольно большой, может, не будем мучиться с пилой, – предложил Карамат.

И опытный Хисмат его поддержал:

– Действительно, пока этот станок наладишь, пока на нём распилешь, пройдёт ещё как минимум полчаса. Разреши, бригадир, попробуем так сломать?

По следу мела большим зубилом провели по мёрзлому железу неглубокую бороздку.

Раньше Закария не верил, что можно разрезать такой толстый рельс обычным зубилом, и очень удивлялся такому дикому способу резки стального рельса в период прохождения практики. И позже ему приходилось не раз сталкиваться с этим способом работы путейцев.

Карамат наносил удары большим молотом, Закария, водя резцом с длинной ручкой по «шейке» рельса, проложил глубокий след. Затем Карамат подозвал остальных:

– Подойдите сюда!

До сих пор расчищавшие снег и раздвигавшие клинья Хисмат, Магинур, Шамсельбану выстроились у рельса. Карамат начал давать короткие указания:

– Нагнулись! Вместе подняли!.. Ноги береги! Бросили!

Наконец, после того как они несколько раз так бросали рельс на уложенный поперёк шпал лом, на землю со звоном упал лишний её кусок величиной с локоть. Естественно, инструкции, по которым обучался Закария, были против укорочения рельса таким способом. Но такой метод значительно ускоряет работу. И поэтому иногда приходится закрывать глаза на незначительные запреты.

Вспотевший от скорой работы Закария, разгорячившись, сбросил сначала свою брезентовую накидку, потом и вовсе расстегнул шубу. Влажные варежки Дилюсы тоже валялись под ногами чёрно-бурыми пятнами. Она, несмотря на пощипывания, брала розовыми пальчиками мёрзлые болты, гайки и проворно закрепляла их на место. Закария накрепко закручивал их полуаршинным ключом. На другом конце рельса Шамсельбану и Карамат делают то же самое. А Хисмат и Магинур работают между ними, помогая друг другу. Хисмат вставляет костыли в рёбра шпал одревеневшими от холода пальцами. А Магинур по-мужски широко размахивается десятифунтовым молотом и вбивает их.

Закария с самого начала хотел отпустить Хисмата.

– Ты замёрз, продрог, Хисмат-абый, возвращайся, грейся пока, – пытался он уговорить его.

Но Хисмат не ушёл. Сказал, что вместе вернёмся.

Закария и Дилюса как-то очутились на одном конце рельса. Теперь горячее дыхание девушки задевает и без того горящие, пылающие щёки Закарии. Хочется коснуться волшебных пальцев девушки, столь быстро и ловкодвигающихся при свете фонаря, и хоть на миг удержать их в ладонях.

– Вы, оказывается, всё время ходите, склонив голову, будто топор в прорубь уронили.

Закария некоторое время не мог прийти в себя от неожиданности, что Дилюса так вдруг заговорила.

– Наверное, боитесь, что если поднимете взгляд, Кыя Тау обрушится на вас, – добавила Дилюса и первой весело рассмеялась своей удачной шутке.

– Эх, сестрёнка, это, наверно, оттого, что всё время хожу, глядя на шпалы и рельсы, ищу брак, – ответил Закария полушутя.

Девушка вдруг стала серьёзной:

– Вы уж не обижайтесь на папу за тот день, вы очень дороги ему. Он вас уважает.

Закария не успел ничего сказать, как всё заглушил гудок мчащегося поезда. Свет прожектора выскользнул со стороны Халиловского перегона и стал стремительно приближаться. И вот он выхватил из темноты черневшую среди моря снега кучку людей. Хисмат стоит у самого пути, вытянувшись, как солдат. Зелёный свет его фонаря направлен в сторону приближающегося поезда, означая: «дорога свободна, проезжай». В этот миг и у Закарии в глубине души вспыхнул зелёный свет тайной надежды...

1968, Казан утлары. – 1972. – № 11

Зарницы на горизонте (Документальная повесть)

Шаги в будущее

В тёплые летние ночи порой тёмный небосвод озаряется яркими вспышками света. Кажется, будто где-то далеко-далеко, за горизонтом, беззвучно поблёскивает молния.

В оренбургской степи такое явление часто повторяется в разгар лета, когда поспевают хлеба и сочные арбузы. Считается, что если по ночам небо вновь и вновь озаряет зарница – урожай будет обильным... Сложно сказать, на чём основано это поверье. Но до сих пор в памяти вкус розовой мякоти сладких и сочных первых арбузных плодов, созревших в эти дни, когда горячий воздух дрожит над полем-степью знойным маревом. Чувствуешь, как улаживается тело и душа, становится легче дышать, и мир вокруг становится просторней и светлей.

А если подумать, ведь не только в повседневной жизни, но и в нашем мире в целом бывают такие яркие незабываемые дни. В то время, когда сердце болит от разных притеснений и несправедливости, а душу терзают тяжёлые сомнения, вдруг жизнь, словно лучами зарницы, озаряется яркими днями, от которых в душе светлеет, надежды и чаяния приобретают новую силу. Такие вспышки случались и в жизни нашего всячески притеснённого, ущемлённого в правах народа. Один из таких периодов пришёлся на начало прошлого века. Поэт тех дней Сагит Рамиев, пожалуй, очень точно охарактеризовал все ощущения и переживания этого периода, этой эпохи:

В беспросветной тьме унылых дней
Был узником Всевышний,
Вере свободной не было воли,
В рабство лишь уверовали...

Так поэт описывает бытие-существование нашего народа в ту пору и сообщает о наступлении дней, вселивших в сердца проблески надежды.

Вспыхнул «Луч», настало «Время»,
Повеяло свежим, свободным ветром «Зари»¹.

Он ясно даёт понять, что мечты о возможном возрождении были заложены появившейся на небосклоне Петербурга газетой «Нур» («Луч»), взошедшей в Оренбурге газетой «Вақыт» («Время»), освещавшей своими лучами Казанские края газетой «Таң йолдызы» («Утренняя звезда» / «Заря»).

Действительно, с первыми хорошими переменами в колониальной России – в эпоху революции 1905 года – татарский народ почувствовал себя вольнее, вздохнул свободнее. Появилась первая татарская периодика.

Пора вставать, на зарю взглянуть...
Татарин дремлет глубоко.
А я не сплю, – я не мог уснуть,

---

¹ Эти шесть строк из стихотворения «Басма сүз» («Печатное слово». – Подстр. пер.).

Задумавшись одиноко².

Так на арену борьбы вышли передовые мыслители, радевшие за судьбу народа, стремившиеся вывести его из оцепенения и пробудить скорей ото сна. В первых рядах тех героев, понимавших, что лишь образованный и культурный народ не потеряет себя на крутых поворотах великой истории, были наши писатели и поэты с пламенными сердцами. В те годы в казанских краях культурный и духовный небосвод нашей нации наподобие летних зарниц озарили лучи Галиаскара Камала, Гаяза Исхаки, Габдуллы Тукая, Фатиха Амирхана, Галимджана Ибрагимова, Сагита Рамиева. А в одном из уголков наших исторических территорий, в далёких Оренбургских краях чувствовалось сияние звёзд Ризы Фахретдина, Фатиха Карими, Дэрдменда, Шарифа Камала, Мирхайдара Файзи и других. Да, именно они первыми сверкнули молнией-зарницей на тёмном небосводе нашей политики и культуры, на их свет потянулись остальные, арена борьбы за национальные права расширялась...

У каждого народа бывают особо активные, опережающие остальных по размаху своей деятельности личности, определяющие уровень дальнейшего развития этой нации. Это те, кто в какой-то промежуток времени даёт духовный толчок к прогрессу народа. У татар во все века таких ярких личностей было много. В XIX веке к таким людям относятся Шигабутдин Марджани, Каюм Насыри, Хусаин Фаезханов, династии Аитовых, Акчуриных, Апанаевых, братья Хусаиновы и другие. К этой же когорте видных татарских просветителей и общественных деятелей конца XIX – начала XX века относятся и братья Рамиевы. Золотопромышленники во втором поколении, владельцы более двадцати золотодобывающих шахт-приисков в пределах бывшей Оренбургской губернии, они часть своей прибыли использовали во благо татар и башкир того времени. Шакир и Закир Рамиевы являлись крупными благотворителями в своём крае и известными издателями. Притом издательской деятельностью они занимались не ради прибыли, а для удовлетворения духовных потребностей многих тюркских народов.

Остановимся на одной лишь личности – личности Дэрдменда, обратим всё внимание лишь на него, окинем взором его жизненный путь и извлечём уроки. Да, Закир Рамиев (Дэрдменд) – человек, блеснувший по-своему на новом повороте нашей культуры, прошедший свой неповторимый путь. И в самом деле, Дэрдменд-Рамиев не описывал прямо, открытым текстом свои переживания о судьбе народа подобно своему современнику и родственнику Сагиту Рамиеву:

Гори, гори, гори ты, сердце,
Гори с зари и до зари,
Гори и месяцы и годы,
Безостановочно гори!³

Но конечно и его душа болела и печалилась. Его глубоко философские стихи «Корабль», «Мы», «Не сумел я окропить савана» и другие, кроме размышлений о будущем и жизни, судьбе, пропитаны ещё и духом служения народу. Он, несомненно, один из великих личностей, сделавших в своё время многое для тюрко-мусульманского мира, татарского народа, чьё служение заключалось не только в его произведениях – богатых философской мыслью, но сложенных лишь скупыми, точными фразами.

Волна нагрянет,

---

² Рамиев С. Таң вакыты (На рассвете. – отрывок; пер. К. Мурзиди). Переводы стихов С. Рамиева и Дэрдменда взяты из «Антологии татарской поэзии» (Казань, 1957) и из книги «Агарган кыл – Поседевшая струна» (Казань, 1999).

³ Рамиев С. Сызла, күнлем! (Гори, сердце! – Пер. М. Львова).

Её кручина
Швырнёт корабль страны родной.
Какая тянет
Нас пучина
И жертвы требует какой?⁴

Да, он не только взывал к современникам, призывая их к бдительности, но и без устали, засучив рукава, делал всё, чтобы помочь вывести корабль страны на правильный курс, чтобы народ свой видеть образованным и культурным. И не пожалел для этой святой цели ни добра, ни денег, добытых честным трудом нескольких поколений. У нас некоторые пытались обвинить его в том, что он был поэтом-миллионером. Будто не понимали, что его миллионы возвращались народу в виде хорошо оснащённых типографий, школ-медресе и т. д. Ведь если подумать, хотя бы только за то, что он издавал газету «Вақыт» – одно из наиболее авторитетных изданий татарского мира дореволюционного периода, регулярно выходившую более полутора десятка лет, а также литературный, политический и научный журнал «Шура», – мы, унаследовавшие всё это богатство, должны быть безгранично благодарны «буржуазному» поэту Дэрдменду-Рамиеву.

Поэт ещё в молодости осознал, что для того, чтобы будущее нации стало многообещающим, чтобы пробудить народ от беспечного средневекового сна, в первую очередь необходимо дать ему образование. Это видно из писем, написанных Закиром своему брату Шакиру ещё во время учёбы в Стамбуле. Например, в 1881 году (будущему поэту в это время около двадцати одного года) Шакир направил ему такое письмо: *«Наш народ совершенно не внемлет словам человека, не одетого в чапан и не украсившего голову чалмой... Народу надо читать книги, разъясняющие состояние дел в разных областях. Поэтому постарайся привезти побольше интеллектуальных книг и романов... Напиши, как решаешь вопрос с типографскими шрифтами, по какой цене их можно приобрести. Привезёшь с собой из этого путешествия или будет лучше выписать потом? Как бы то ни было, надо об этом позаботиться».*

В одном из писем приводятся следующие слова: *«Мы ведь не собираемся жить, преклоняясь лишь богатству, подобно тёмным купцам Орска Бурнаевым, наша главная цель – служение народу».* (Содержание этого письма приводится в воспоминаниях журналиста и литератора Исмагила Рамиева.)

Здесь, пожалуй, будет не безынтересно вспомнить слова современника поэта, его первого биографа – известного писателя Фатиха Карими. Писатель таким образом описывал братьев, сравнивая их с некоторыми им подобными: *«В те времена было много татарских купцов вроде Бурнаевых в том же Орске и Галкаевых, Муэминовых в Казани. За всю жизнь они так и не научились говорить правильно по-русски, не могли воспользоваться русскоязычной литературой и периодикой. Придерживаясь узких взглядов на мир, жили в строгом религиозном фанатизме. Однако Шакир и Закир Рамиевы оказались совсем непохожими на них. Они мыслили открыто, взирали на мир широко. Вероятно, тому были свои причины».*

Так кто они – Рамиевы? Откуда родом? Где получили такое воспитание, позволившее без устали служить стране и народу?

«Мурзы в лаптях»

Дэрдменд-Рамиев – авторитетная, уважаемая личность, известная в татарском мире до времён октябрьской революции. Он и поэт, и издатель, и народный депутат, избранный в Госу-

⁴ Дэрдемэнд. Кораб (Корабль. – Пер. М. Зарецкого).

дарственную думу, также и купец – или, как писали в прежние годы, – буржуй, содержащий золотые прииски.

После его кончины классик нашей литературы Галимджан Ибрагимов по праву заявил: «Они [Рамиевы] были первыми из звёзд на небе просвещения».

Кто он? Откуда? Может, рос в столичной атмосфере Москвы, Петербурга, или хотя бы в Казани с её знаменитым университетом?

Оказывается, нет, выходец из самой обычной деревни Оренбургского края. Повседневная фамилия – Рамиев, псевдоним, сохранившийся на страницах книг и периодики, – Дэрдменд. Образование получил вместе со своим братом Шакиром, который был старше его на два года, – сначала в родной деревне, потом в одном из медресе города Орска, расположенного на границе казахской степи. И до конца своих дней Закир и Шакир Рамиевы шагали рядом, развиваясь и двигаясь вперёд вместе.

Да, их родина, край, где они жили и трудились, – это тот же Орск, Оренбургские земли, прежняя Оренбургская губерния. Если не учитывать того, что Закир более года жил в Стамбуле, получая образование, а Шакир путешествовал по Европе, – можно сказать, они всю жизнь прожили на одном месте.

Поэт и общественный деятель Дэрдменд-Рамиев появился на свет в ноябре 1859 года в селе Зирган Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии. Зирган (Жџиргән) – большое село, расположенное на реке Белой между городами Стерлитамак и Оренбург. Его местоположение Исмагил Рамиев определяет так: «Село Зирган – татарская деревня, построенная на оренбургской дороге в сорока верстах вверх по реке Белой от Стерлитамака». С 1908 года село перешло в состав Уфимской губернии, в 1918 году, после объявления Закием Валиди Малого Башкортостана, было отнесено к этому национальному образованию, а с марта 1919 года относится к Республике Башкортостан.

Зирган расположен на месте перехода Уральских гор в Оренбургскую равнину, в местности с очень красивой природой. Наверное, стоит упомянуть, что в селе Зирган также родились видный представитель татарской литературы, известный писатель Мирсаяф Амиров и историк Мидхат Мухаррямов, внёсший большой вклад в изучение истории Татарской АССР периода Октябрьской революции и Гражданской войны.

Но Рамиевы, после рождения Закира (данное муллою полное имя – Мухамметзакир), прожив в этом селе совсем недолго, переехали в другое место в той же Оренбургской губернии. В то время маленький Закир ещё только делал первые шаги.

Его отец Мухамметсадык был зажиточным деревенским торговцем. Наверняка у него были ещё маленькие магазинчики в Стерлитамаке и близлежащих деревнях. В это время Мухамметсадык Рамиев торговал мануфактурой и другими принадлежностями деревенского быта. У проживавшего в Стерлитамаке его близкого родственника Габдуллы (отец Исмагила Рамиева) тоже были мануфактурные магазины. Третий из родственников, отец будущего поэта Сагита Рамиева – Лотфулла, прославился торговлей лесом: сначала сам состоял на службе у более крупных купцов – возглавлял лесосплав на стремительных уральских реках, позднее переехал в небогатые лесом края Оренбургской губернии и внёс свою лепту в обеспечение местного населения изделиями из дерева.

Как видим, Рамиевы, хотя в основном и проживали в деревне, всё же не особо увлекались «чёрной» работой, вроде земледелия. Тому, конечно же, есть свои причины, свои основания. Потому что они всегда считали себя по положению чуть выше своих соседей, кормившихся скотоводством и земледелием, старались не забывать, что происходят из древнего знатного рода. Естественно, это явление было свойственно не только Рамиевым, это общая судьба для тех же Дашкиных – Дашковых, Чанышевых, Еникиевых и других, считавших себя потомками мурз и беков. Если в учётных книгах, документах того времени простой сельский люд считался «ясачными татарами», большинство же этих именовались «служивыми», то есть несли знак,

указывающий, что они были когда-то на службе у государя. Если покопаться в книгах переписи населения царских времён, можно заметить, что таких «служивых» в мелких деревнях не значится вовсе, а в крупных сёлах их не больше четырёх-пяти семей: деревенские купцы, муллы и учителя, писари, старшины – вот, пожалуй, и всё.

Большую часть этой группы составляли те, кого в народе называли «мурзы в лаптях». То есть те, кто, хоть и происходил когда-то от мурз и беков, да только вынужден нынче лапти носить...

Но на самом деле положение и судьба «мурз в лаптях» намного сложнее и трагичнее. В основном это жертвы власти и политики, возникшей после уничтожения самостоятельности народов Казанского края. То есть это притеснённое сословие, которое не по своей вине скатилось с высших социальных слоёв вниз, а оказалось в этом положении вследствие насилия и господствовавшей тогда политики. Когда ханство, существовавшее в Волго-Уральском регионе, было завоёвано и началось насильственное крещение населения, большинство мурз и беков, владевших землями, естественно, подчинились этой политике, чтобы не потерять имущество. От таких берут начало знаменитые династии российских помещиков Державиных, Карамзиных, Аксаковых и других.

К слову, очень интересные сведения о таких вынужденных сменить веру мурзах приводятся в сборнике материалов Академии наук СССР 1936 года, посвящённом первому революционеру из дворян, писателю, великому мыслителю Александру Николаевичу Радищеву. После царских указов о лишении земель и имущества мурз, не исповедующих христианство (например, такой указ был объявлен ещё при Петре I), они стали спешно креститься.

Биографы А. Н. Радищева, имея в виду именно эти события, описывают жизнь мурз в тот период примерно так. Якобы они не только отказались от своей веры, но ещё и усердствовали в крещении деревенских жителей на своих территориях, наспех возводили в деревнях церкви. И стали старательно молиться в этих церквях перед народом согласно новой вере. Вернувшись же в свои дома, укрывшись от чужих глаз, придерживались своей мусульманской веры. То есть преклонялись сразу двум богам, двум религиям. В данном академическом издании описывается, что такое положение дел сохранялось в среде вновь крещёных мурз ещё долгие годы...⁵

А вот «мурзы в лаптях» считались потомками тех аристократов, что потеряли имущество и обнищали, не подчинившись этой политике насильственного крещения. Возможно, они и не были крупными мурзами, державшими огромные земли; наверно, лишь редкие герои были способны отказаться от своих богатств лишь ради религии и стать «белой вороной» среди равных себе. Большинство же было вынуждено, скрипя сердцем, принять такое положение дел. А вот уже более бедные из мурз и беков, те, которым было мало чего терять из имущества и владений, остались при своей религии и ещё какое-то время, находясь в окружении своих новокрещённых родственников и при их еле заметной поддержке, выполняли мелкие государственные дела, проходили военную службу.

Как утверждал Исмагил-ага Рамиев, и в их родословной были люди, состоявшие на службе государевой и относившиеся к обществу, приближённому к царскому двору. Он часто рассказывал, что среди переводчиков царей был также и человек по фамилии Рамиев – Тимри Рами. Несмотря на состояние здоровья и возраст, Исмагил Рамиев мечтал съездить в Ленинград, чтобы полнее изучить документы касательно этого самого Рами, который считается их родоначальником.

Когда и каким же образом потомков тех самых Рамиевых, чьи имена запечатлены в документах рядом с упоминаниями о царе и его близких, занесло в дальние Оренбургские края? Этому до сих пор нет основательного ответа. Учитывая, что эта ситуация касается не только Рамиевых, хочется подробнее остановиться на этом вопросе.

---

⁵ Александр Николаевич Радищев. – М.: Л., 1936.

Как известно, после завоевания Казанского и Астраханского ханств, границы России расширились до реки Урал (историческое наименование – Яик) и западных склонов Уральских гор. Вскоре территории этих двух ханств были определены как Казанская губерния. А уж когда народы, прежде населявшие эти ханства, татары и ногайцы, марийцы и чувашаи – стали чинить беспорядки и бунтовать, для удобства в подавлении восстаний губернию разделили на две части. В Оренбургскую губернию, образованную в 1744 году, вошли четыре провинции, начиная с северного Урала: провинции Исеть, Уфа, Оренбург и Ставрополь (позднее Самара). В Оренбургской же губернии позже были объединены, начиная примерно от нынешних бугульминских территорий, Уральская, Гурьевская области, позднее ещё и Тургаевская область в казахской стороне.

Чтобы во время бунтов и восстаний татары не могли связаться и просить помощи у ногайцев и башкир, а башкиры – у казахов и ногайцев, области, где проживали все эти народы, различными «кордонами» и «линиями» делили на части. Например, известно о существовавшей на территории Татарстана Арско-Чебоксарской укрепленной линии, а также приволжском и прикамском кордоне шириной в сорок вёрст. В 1652–1656 годах на закамскую сторожевую линию по рекам Зай и Шешма были передвинуты специальные войска. Известно, что состоящие из конных казаков полувоенные деревни, переселённые на земли между реками Шешма и Зай, составляли несколько полков. В числе этих казаков было много наследников бывших мурз и беков.

Так как бунты и восстания не прекращались, башкирские земли тоже начали отделять такими военизированными линиями. Линии, соединившие к середине XVIII века города-укрепления Бугульма – Буздяк – Уфа, Бугульма – Шарлык – Оренбург и немного позднее Оренбург – Орск – Троицк – Верхнеуральск, ограничивали контакты беспокойных башкир с соседними братскими народами. По этим линиям возводились всяческие укрепления, укладывались дороги. По этим линиям селили в основном полувоенные объединения служивых чувашей и татар, наделённых правами казаков и преданных царской власти. Учитывая, что границы русского государства с давних пор охраняли такие вот отчасти вольные «казачьи» войска и что основу этих казаков составляли потихоньку обрусевшие представители тюркских народов, можно представить, что и переселенцы на эти линии тоже были примерно таким же войском. Чужеродные для Заказанья названия деревень, такие как Казаки и другие, – скорее всего и есть следы военных поселений по линии Чебоксары – Кокшайск – Арск. Чуть позже такие же военизированные поселения, состоящие в основном из служивых татар – т. е. из потомков бывших мурз и беков, – появились по линии реки Зай.

Жители этих деревень, редутов и посадов, несшие полувоенную службу на этих кордонах-линиях и готовые при первой необходимости вскочить на коня и собраться в одном месте, пользовались определёнными льготами и получали какие-то дополнительные выплаты.

Среди таких поселенцев выявляются и Рамиевы.

По собранным и изданным данным Ризы Фахретдинова, родословная бывших мурз Рамиевых начинается с времён Казанского ханства. А фамилия их берёт своё начало, как уже отмечалось, с Тимри Рами (Железного Рами).

Впоследствии мурза Урманай Рамиев оказался в Закамской приграничной линии, а его потомки были расселены по реке Зай. Деда-прадеды Дэрдменда – жители села Тайсуган бывшей в то время Оренбургской губернии, ныне Альметьевского района РТ. (Кстати, и ближайшие соратники братьев Рамиевых по просветительским и издательским делам были родом из этих же мест: Риза Фахретдинов из села Кичучат, а Каримовы – из Миннебаева того же района. То есть в Оренбурге они чувствовали себя не только единомышленниками, но и земляками.) Дед поэта Габделькарим сначала служил муллой в своём селе, а затем переехал во вновь строящийся на берегу реки Белой город Стерлитамак. К этому времени там уже обосновались его отец Исмагил и брат отца, будущий ахун Салим Рамиев (дед поэта С. Рамиева и прадед

писателя И. Рамиева). Там все они занимались торговлей. Вскоре Габделькарим обосновался в селе Зирган, расположенном в сорока километрах от Стерлитамака, и умер там в 1851 году – через год после свадьбы сына Мухаммедсадыка с Ханифой Дашковой. По шеджере, составленной наследниками мурз Дашковых, у них было пятеро детей. Но миру известны только Шакир (1857–1912) и Закир (1859–1921) Рамиевы.

Дата и место рождения Мухаммедсадыка Рамиева составителями шеджере точно не указаны. Умер он в возрасте 63 лет в 1892 году. Видимо, датой его рождения можно считать 1829 год. Женился он в 1850 году.

Мать поэта – Ханифа Дашкова⁶

Ханифа Дашкова также из семьи потомственных мурз. В те годы они проживали в селе Яушево того же Стерлитамакского уезда. В одном из примечаний Исмагила Рамиева написано, что фамилии русских князей и татарских мурз Дашковых и Дашкиных – одного корня... Дед по линии матери будущего поэта Альмухаммед сын Ибрагима также являлся «мурзой в лаптях», т. е. не имеющим дворянских привилегий. Но, естественно, как и большинство бывших мурз, никогда не носил лаптей. Был для своего времени достаточно образованным человеком. Занимался торговлей.

Да, татарские Дашковы – Дашкины XIX века, как и другие бывшие мурзы, являясь наследниками аристократической династии, сохраняли ещё кое-какие благородные черты. Почти каждый представитель этих «мурз в лаптях» старался отличаться от остальных соплеменников интеллигентностью и образованностью. Это сословие, как сливки в молоке, всегда старалось всплыть наверх. И новых родственников искали только среди себе равных, если даже для сватовства приходилось обращаться в дальние места. Большинство «мурз в лаптях» чурались крестьянского быта и образа жизни. В деревнях большинство мулл, учителей и торговцев были из этого сословия.

В этих семьях было сильно стремление к социальному росту, к получению хорошего образования. С младенчества детям прививалась любовь к чтению книг, к знаниям. Поэтому и дети купца средней руки Альмухаммеда были более начитанные, чем их сверстники. Например, Ханифа хорошо знала русский язык и русскую литературу. Из пяти девочек Альмухаммеда и Амины три были сосватаны бывшими мурзами (две были замужем за мурзами Чанышевыми), а одна – Фатима, видимо, умерла ещё до замужества. А Хадича была выдана в зажиточную семью Габитовых. Впоследствии часть детей и внуков этих светски воспитанных сестёр станут видными служащими в конторах золотых приисков Рамиевых или образованными учителями и муллами. Например, братья Габитовы будут управляющими их приисков. А в советское время кто-то из них станет одним из руководителей треста «Башкирзолото» (до ареста в 1937 году).

Ханифу Дашкову мы видим девочкой, также с детства тянувшейся к учёбе и знаниям. Когда Габдулкарим Рамиев сватал её за своего сына, Ханифа уже была известна на всю округу своей благовоспитанностью и образованностью. Позднее современники Дэрдменда писали о ней: «Ханифа Дашкова... была женщиной довольно образованной, деятельной и умной».

По сведениям шеджере Дашкиных, у Рамиевых было пятеро детей. Кроме Шакира (Мухаммедшакира) и Закира (Мухаммедзакира – Дэрдменда), в этом списке значатся ещё

---

⁶ В одной статье Ризы Фахретдинова («Шура», 1913, № 6) и в книге «Дэрдмэнд эсэрлэре» (1929) написано «Ханифа Дашкова». По шеджере, составленной в 1980-х годах её дальними родственниками, все наследники Альмухаммеда пишутся «Дашкиными». Составители этого шеджере, видимо, всех Дашковых и Дашкиных объединили вместе. Первая жена Искандера Рамиева – Шарифзадэ Дашкова, тоже была из этого рода. Возможно, она была внучкой Абу-Бакира, брата Ханифы. Часто мурзы женились на ближайших родственниках. К примеру, второй сын поэта Ягъфар был женат на родственнице матери Гульнур Бурнаевой.

Камиля, Гумер и Галихайдар. Даты их рождения и смерти не указаны. Многим биографам поэта они не известны. Правда, на Юлукском кладбище рядом с могилами Мухаммедсадыка и Ханифы Рамиевых имеется ещё один надмогильный камень с полустёртыми надписями. Сельский мулла сумел прочесть на этом камне только два имени: Гумер сын Мухаммедсадыка. (На этом участке кладбища 5–6 надмогильных плит стоят рядом. Чёткие надписи сохранились только на памятниках, поставленных родителям поэта и частично на памятнике Габдельлатыфа сына Габделькарима, умершего в возрасте 76 лет. Это родной брат Мухаммедсадыка.)

По сведениям современников, Ханифа Дашкова-Рамиева сама воспитывала детей и начальное образование им давала сама же. Писатель, редактор газеты «Вақыт» Фатих Карими более четверти века близко общался с братьями Рамиевыми. Он поражался тому, что они, официально в русской школе не обучаясь, хорошо владели этим языком. «В те годы изучению русского языка и письменности среди большинства татар не придавалось никакого значения. Русский язык тогда не был так хорошо распространён в уездах, деревнях, как сейчас. И изучать этот язык было не так легко, как сейчас... А они самостоятельно всё это освоили... Закир Рамиев самостоятельно освоил русский язык с его грамматикой и синтаксисом, на уровне грамотного письма, речи и хорошего понимания читаемого... Постоянно читал произведения на турецком и русском», – писал он⁷. Действительно, и русский язык Дэрдменд первоначально усвоил в домашних условиях, от матери. А позже, учась в средних классах медресе города Орска и в старших классах медресе села Муллакай, достаточно хорошо изучил арабскую грамматику и арабский язык. По утверждению Ф. Карими, братья Рамиевы способны были вести бытовой разговор на этом языке.

Притягивает к себе одно из стихотворений в тетради поэта, сохранившего в душе образец семейного воспитания:

– Расскажи мне, мама, сказку,
не расскажешь – не усну!
– О, дитя, закрой же глазки,
Ну а я рассказ начну.
Жил в одной из дальних стран
Ханский сын – молодой султан.
Не коня – пегаса он седлал,
Кречета он в небеса пускал...
Мой малыш, уже ты спишь?
– Дальше, мама! Дальше расскажи!..⁸

Читая эти строки, вспоминается собственное детство, свои младенческие слёзы... Сердце болит от мысли о плачевном положении нынешних детей, большинство из которых не получают иного воспитания, кроме телевизионного...

Дорога в Юлук

Закиру ещё не исполнилось и трёх лет, когда летом 1862 года Рамиевы решили переехать в село Юлук, расположенное на другом конце Оренбургской губернии. Эта татарская деревня, по официальным документам именованная как «Юлукский ям», расположена на окраине Орского уезда. Если не знать историю деревни и её значимость в те годы, очень даже можно подумать, мол, неужели не мог успешный торговец Мухамметсадык Рамиев выбрать

⁷ Предисловие к книге «Дэрдменд эсэрлэре». – Казан, 1929.

⁸ *Дэрдменд*. Эни, экият сөйләче (Расскажи мне, мама, сказку. – Подстр. пер.).

себе местом обоснования более знатное село, или мог бы переселиться поближе к крупному городу. Ведь и как деревня, и как место для ведения торговли Юлук во многом уступал Зиргану. Во-первых, Зирган расположен в долине воспетых в песнях красивейших рек – Белой и Ашкадар. Это место, где есть всё – леса, горы, где отдыхает душа и тело, кто побывает здесь хоть раз – не забудет никогда. Во-вторых, Зирган находится между двумя большими городами, на важном торговом пути. Все товары для торговли, ввозимые из богатой Средней Азии, будь то различные шелка и парчи, душистые чаи, сладкие фрукты, дешёвые кони или овцы – всё это проходило вначале через оренбургские и орские базары, представлявшие собой торговые врата России в этом регионе. А до этих базаров отсюда, из Зирганы, пролегла прямая конная дорога до этих крупных базаров.

Жителям деревни тоже был непонятен неожиданный переезд Рамиевых.

– Что потерял Садык-бай там, на краю земли?

– Ох, ошибается, верно, – удивлялись они.

Нашлись, конечно, и те, кто пророчил:

– Мухамметсадык-бай – человек основательный, просто так без видимой пользы бы не тронулся.

Естественно, женщины и дети были категорически против того, чтобы уезжать, оставив в родных краях родственников, ставших близкими и родными соседей. Было пролито немало слёз. Но Мухамметсадык-бай смог всех переубедить и уговорить. Старался дать понять каждому, что впереди намечается ещё более красивая жизнь, что будущее видится обнадеживающим.

Итак, погрузившись в телеги, они отправились в долгий путь, продолжавшийся более недели. Сначала спускались вдоль реки Белой в сторону Ашкадара – до Стерлитамакского устья, первую большую стоянку организовали в Стерлитамаке. На следующий день они тронулись в путь лишь ближе к полудню, только после того, как повидались и попрощались с нужными людьми и прикупили последние необходимые вещи в городских магазинах. После Стерлитамака дорога стала ещё уже и неудобнее. Потому что здесь начинались владения настоящих кочевых башкир, редко пользовавшихся повозками, привыкших к горной местности и кочевому образу жизни; местами ещё даже не были восстановлены унесённые весенним паводком мосты через стремительные воды горных рек. Из-за всего этого загруженные тяжёлые повозки очень медленно продвигались вперёд по горным дорогам. Ну а Мухамметсадык-бай, конечно, вместе с семьёй уносился вперёд на хорошей паре лошадей и дожидался основного обоза в какой-нибудь деревне. Таким вот образом, гостя в попутных деревнях то у одного, то у другого знакомого – татарского или башкирского муллы или купца, они, наконец, достигли своей цели. Первым на месте слияния двух небольших речушек, на возвышенности, покрытой жидким берёзовым и осиновым лесом, показался высокий минарет деревянной мечети. Вскоре послышался радостный крик пятилетнего Шакира, заглушивший даже звон колокольчика на дуге:

– Прибыли! Приехали! – закричал он. И демонстрируя знание букв, начал читать по слогам надпись на придорожном столбе: – Юл-лук-к!

Конечно же, в те годы много было таких, кто вдруг срывался с насиженного места и направлялся на северо-восток губернии. Очень быстро по всей России распространился слух, что в окрестностях какого-то города Орск, о котором прежде никто не слыхивал, золото можно грести лопатой прямо с поверхности земли. Надеясь ухватить птицу счастья за хвост, люди наперегонки ринулись к этому невзрачному городку на краю земли. В скором времени и в тихих горах, и в степи, и в несуразном уездном центре, где до этого лишь петушились конные казаки, отбывая срок службы и пьянствуя с беспечными солдатами, уже царило оживление. Тихий город с двумя церквями и одной мечетью наполнился нарядными шеголеватыми людьми, примчавшимися на благородных скакунах. Возросли цены на недвижимость, торговля расцвела, предметы первой необходимости дорожали с каждым днём! Одни люди за короткое

время стали известными, уважаемыми баями. А слишком нетерпеливые, не знавшие меры, быстро лишились всего.

Так началась «золотая лихорадка» в Орском уезде в тридцатых годах XIX века.

Вот и наших путешественников в эти края привела именно подобная «лихорадка». Золото хоть и не валялось прямо под ногами, всё же не вызывало сомнений то, что при терпении и старании оно будет добыто. Сложно определить, сколько в те годы в Оренбургской губернии, в районе Орска, Троицка, Верхнеуральска, считавшихся центрами золотодобычи, насчитывалось золотарей – держателей золотых приисков и сколько драгоценных ископаемых они добывали. Но всем известно, что земли здешние были безгранично богаты.

В истории Среднего Урала после присоединения к России, конечно, добыча золота и серебра, а также иного природного материала была развита изначально. Позднее здесь в основном преобладали медно-, чугуно- и сталелитейные заводы, которые были важны для наращивания промышленных мощностей и для военных нужд России. Для продолжения захватнических войн на западных и восточных направлениях царскому правительству требовались орудия, отлитые на Урале или изготовленные в других центрах наподобие Тулы с использованием уральской руды. И тысячи вёрст рельсов для железных дорог, соединивших позднее просторы всё более и более расширявшейся империи, а также и стальных коней для этих дорог – вагонов и паровозов, – также производили уральские заводы Демидовых и других промышленников. Как писал известный автор позапрошлого века Глеб Успенский, началось беспощадное разграбление земель несчастных башкирских племён. Эти земли с несметными богатствами потихоньку переходили от биев и беков, старейшин племён, в руки новых хозяев – путём торга, обмана, а иногда и угроз. К примеру, тульские промышленники Твердышев и Мясников приобрели сто тысяч десятин такой благородной земли всего за триста рублей. Естественно, не остались в стороне и другие богачи, обладавшие большими капиталами.

Новый период в уральской истории наступил много лет спустя, когда такие «акулы-капиталисты», как Твердышев, Демидов, уже раскромсали тушку этих богатств, и когда мелким купцам было разрешено пощипать то, что от них осталось. Эти, естественно, не стали возводить такие огромные заводы-крепости, требовавшие больших капиталовложений, а начали добывать готовые сокровища, лежащие близко к поверхности. По всей России разлетелась весть о том, что при удачном раскладе и такой маленький участок земли может стать источником несметных богатств. И люди, достав свои сбережения, отложенные про запас, иногда ещё и занимая в долг, ринулись покупать «златоносные земли» в пределах Южного Урала.

Так слава Орского уезда распространилась в дальние края. Не прошло и пятнадцати – двадцати лет, как тут уже образовались различные акционерные общества, торговые и кредитные банки. Даже иностранный капитал торопился сунуть нос в дела: появились совместные банки, мелкие хозяйства по производству орудий труда. В долинах тихих сонных гор и рек друг за другом открылось бессчётное количество золотых приисков, долины рек Узьян, Таналык, Суюндук снова оживились, припоминая времена завоеваний Тамерлана.

К счастью, эта «лихорадка» «заразила» и татарский мир. Баи и купцы, чувствовавшие в себе силы равняться на русских купцов-толстосумов и верившие, что их организаторские способности позволят довести начатое до успешного конца, тоже включились в дело. Вскоре в очередь за ними пристроился и Мухамметсадык Рамиев. Именно эта «лихорадка» и стала причиной тому, что он решил уехать с насиженных родных мест, покинув отлаженный быт и ровное существование, обременив свою жизнь большими заботами. Именно в этом причина путешествия в невиданные и неслыханные доселе «тёмные края», в село Юлукский ям, когда-то основанный татарскими ямщиками, семьи Рамиевых.

С давних пор в восточной части Казанского ханства, начиная примерно от Бугульмы, где уже встречаются горы и возвышенности, до зауральских степей, существовало дело добычи ценных ископаемых. Безмолвными свидетелями тому являются сохранившиеся на склонах

Уральских гор и в зауральских степях бесчисленные горные пещеры и останки колодцев, словно уходящих в самую преисподнюю. Ещё давным-давно наши деды рыли колодцы и спускались с лучинами в руках к залежам Гайского месторождения меди рядом с городом Орском, которое считается сегодня самым богатым месторождением меди в нашей стране.

В этом отношении и село Юлук известно тем, что рядом с ним есть древняя «медная пещера». То есть здесь ещё до основания деревни оставили свои следы наши далёкие предки. Близлежащие земли, кроме того, что были богаты медью, также давно были известны и отдельными находками золота. А уж когда распространилась «золотая лихорадка», здесь тоже друг за другом то там, то здесь стали открываться золотые прииски.

Вот и семья Мухамметсадыка и Ханифы Рамиевых в начале шестидесятых годов позапрошлого века приехали и обосновались на этой изобильной земле. Ясно, что Мухамметсадык, будучи купцом, бывал в городе Орске и на Юлукской ярмарке, проводившейся в середине лета. И заранее прикинул, где можно обосноваться. И, наверное, даже не с первого раза смог обойти и осмотреть в этом краю и горную часть, и степные районы, где волновалась ковыль.

Тогда Оренбургская губерния занимала очень большую площадь, даже несмотря на то, что часть своих владений она отдала под новые Уфимские земли, врезавшиеся на территории смежной с Казанской губернией. Во время переезда Рамиевых губерния была разделена на пять-шесть довольно крупных уездов. Самым большим из всех уездов считался тот, что находился в подчинении города Орска. В этом отношении интересно будет упомянуть мнение Мирхайдара Файзи, жившего на полвека позднее указанных событий. «Я узнал, что в сравнении с другими землями Орский уезд по площади равен Курской губернии в целом, а из иностранных государств земли Дании меньше Орского уезда», – писал он восхищённо в феврале 1917 года, когда работал в Орской земельной управе под руководством Хузиахмета Рамиева.

До Октябрьской революции в Орский уезд входила также и часть современного Башкортостана, начиная от верховьев реки Сакмар до её крутого поворота на запад, и до границ с нынешними Оренбургскими и Челябинскими областями. По правде говоря, в этой губернии, находившейся в то время на самой границе государства, наблюдался не только географический простор, но и некая политическая свобода. Во-первых, этим краям свойственно отсутствие рабски подчинённого кому бы то ни было населения, за исключением малочисленных крепостных рабочих, относившихся к крепостным заводам, то есть к заводам, непосредственно управлявшимся царским правительством или близкими ему людьми. А среди местных татар и башкир, проживавших на территории губернии, таких рабских взаимоотношений не было никогда – они всегда жили свободным обществом, любой, не имеющий непоплаченных долгов, имел полное право переезжать с одного места на другое. И чувствовали они себя относительно вольно.

Мухамметсадык Рамиев, изъездив вдоль и поперёк тот самый равный Курской губернии Орский уезд, решил основаться в районе Юлука. Во-первых, ему, наверное, понравилась природа этой местности – здесь и лес с певчими птицами, и долины, где на воле может резвиться дичь, и горные вершины, откуда можно, философствуя и размышляя, наблюдать даль. Прямо как в Зиргане. Правда, здесь гораздо ощутимее дыхание степи, расположенной рядом. В Зиргане и деревья в лесу были покрупнее, и трава гуще и сочнее. Зато здесь земля вся сплошь усеяна медью и золотом.

Хоть и приехал он, стремясь душой и нацелившись на сокровища в земле, всё же не сразу смог осуществить эту мечту – ведь даже когда найдёшь место, удобное душе и определённо богатое ископаемыми, ещё надо дождаться, когда сверху, из дальнего Петербурга, придут разрешительные бумаги. Естественно, он не сидел сложа руки в ожидании разрешения: не ограничиваясь мелкой торговлей в одном из двух домов в Юлуке, развернул своё дело и в соседних деревнях. Он даже решился на то, чтобы отдавать свои товары в долг башкирам, тогда ещё в основном ведших кочевой образ жизни, чаще всего бравших товары в долг и расплачивав-

шихся лишь в период осеннего изобилия. И тем самым заслужил себе в округе признание как самый богатый бай.

Ещё только выбрав себе место для дальнейшего проживания, он, прежде всего, выкупил у юлукского купца мыловаренный завод («мыльную фабрику») на окраине деревни. Произведённым мылом торговал и сам, и через мелких торговцев-коробейников. Подрастая, уже и сыновья Рамиевых становились подмогой в делах.

Да, первые жизненные уроки и поэт Дэрдменд, и его брат Шакир прежде всего получили именно в этой татарской деревне. Значит, они ни мыслями-чувствами, ни образом повседневной жизни почти не отличались от других деревенских детей. Лишь материнское воспитание в доме было гораздо сильнее, и это воспитание с раннего детства пробудило в них стремление к знаниям. А в остальном традиции и обычаи были общими, философия – единой, и основное воспитание заключалось в том, что человек должен быть всегда справедлив в отношении других, всегда протягивать руку помощи и оказывать поддержку близким.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.